

Яр Эр лишь почувствовала, как перед глазами у нее потемнело, а дыхание перехватило. Такой великолепный кусок овечьего пергамента — этот человек ведь поистине взял и испортил его! Если бы стряпуха тетушка Чэнь забрала его на кухню подкладывать под котлы, от него было бы куда больше пользы!

Ан Лэ, казалось, посчитала, что потрясение, испытанное спутницами, было недостаточно сильным, подумала немного и добавила:

— Я ведь рисовала очень старательно. Думала, вы, мастера, сможете это понять.

Яр Эр прислонилась к стенке с лицом человека, потерявшего всякий вкус к жизни: твоя мазня выглядит так, будто ее рисовали демоны, ее и демоны не разберут!

Будучи одной из самых старших женщин среди этой четверки и неся на своих плечах тяжелую ответственность за благополучие всех обитателей повозки, Яр Эр чувствовала лишь одно: ей хочется изрыгнуть полный рот крови. Постучав кулаком по груди и смирившись со своей участью, она откинула занавеску, чтобы предпринять последнюю отчаянную попытку, и спросила правившего лошадьми Му Линя:

— Му Линь, ты знаешь дорогу в город Сии?

Му Линь послушно ответил:

— Примерное направление я знаю, а вот более точной дороги — нет.

— Тогда давай сначала просто едем вперед, а когда встретим кого-нибудь, расспросим, — обреченно произнесла Яр Эр.

— Вот бы Сюань У был здесь, он хорошо знает дорогу. Жаль только, что ему нужно оставаться в столице по делам, — беззаботно отпив чаю, Ан Лэ обвела взглядом внутреннее убранство повозки, то тут, то там все оглаживая и трогая. Мысленно она отметила, что повозка поистине хороша: мало того, что просторна, так в ней еще можно поставить чайный столик, и ни в еде, ни в питье нужды не будет.

Яр Эр с ненавистью метнула в нее уничтожающий взгляд: эта девчонка ни капли не осознавала себя виновницей всех бед! Кого они вообще сопровождали в этой поездке и чьей паршивой картой пользовались?

Проехав около часа с небольшим, повозка вдруг сильно качнулась и остановилась. Чистый голос Му Линя донесся извне:

— Молодой господин, впереди развилка, и подчиненный не узнает дорогу. Что же теперь делать?

Услышав это, Ан Лэ с досадой помассировала переносицу.

В конце концов, она ведь тоже не знала дороги, верно?

Она откинула занавеску повозки, высунула голову наружу и нахмурившись окинула взглядом левую и правую развилки, а затем огляделась по сторонам. Вокруг не было ни души — даже не у кого спросить дорогу, поэтому ей оставалось лишь наугад ткнуть пальцем и произнести:

— Давай... давай поедem по левой дороге. Скоро стемнеет, нужно спешить, чтобы найти постоянный двор или какой-нибудь жилой дом и заночевать — так будет надежнее всего. Ладно мы втроем, но она не смеет позволить второй сестре терпеть лишения и скитаться вместе с ними под открытым небом.

— Слушаюсь, — отозвался Му Линь.

Постепенно темнело, и повозка стремительно мчалась сквозь лес.

Неизвестно, сколько они так ехали, но Ан Цзин, все это время приподнимавшая занавеску и наблюдавшая за окном, вдруг поняла, что что-то не так.

Туман, казалось, становился все гуще...

В этот самый момент снаружи внезапно произошло нечто непредвиденное!

Две лошади пронзительно заржали, взметнули копыта и взбесились, наотрез отказываясь двигаться дальше. Повозка затряслась в бешеной тряске, того и гляди норовя перевернуться!

— Бросайте повозку! — лицо Му Линя изменилось, и он повернувшись рявкнул сидевшим внутри.

Гроххх! —

повозка с тяжелым стуком рухнула на землю и развалилась на части. Вырвавшись из упряжи, две лошади безумно затрясли гривами и тут же умчались прочь, в мгновение ока скрывшись из виду.

Несколько человеческих фигур ловко приземлились на землю.

Ан Цзин обняла не владеющую боевыми искусствами Ан Лэ и надежно опустила на землю.

Поняв, в каком положении они сейчас находятся, Ан Лэ мгновенно окостенела.

В прошлой жизни она отчаянно мечтала о старшей сестре, но, увы, желаниям не суждено было сбыться — у нее был лишь вечно дравшийся с ней с самого детства старший брат. Полноценная роль заядлой сестриной поклонницы оказалась совсем не востребована, из-за чего она сама

собой выросла сущей разбойницей. В этой же жизни у нее появилась старшая сестра, да к тому же относившаяся к ней очень хорошо. Ан Лэ просто обрела сокровище и была готова двадцать четыре часа в сутки висеть на сестриной шее, ластясь и капризная. Только вот по своему статусу она все-таки оставалась «третьим молодым господином» поместья генерала, а между «мужчиной» и «женщиной» существовала разница. Согласно правилам, мальчики и девочки с семи лет не сидят на циновках вместе, так что в обычной жизни нечего было и думать о том, чтобы повиснуть на второй сестре и пошалить, — даже взяться за руки, как подобает сестрам, было невозможно. И вот Ан Лэ, еще секунду назад охваченная паникой, а в следующую — прижатая и защищенная руками второй сестры, просто окаменела. Ощувив исходивший от второй сестры неповторимый тонкий аромат, она мгновенно залилась краской до самых мочек ушей и с застенчивым трепетом подняла голову на любимую сестру, но с удивлением обнаружила, что та вовсе на нее не смотрит. Ее девичье сердце в ту же секунду разбилось на мелкие кусочки.

Видя, сколь мученической смертью пала повозка, Яр Эр тотчас же похлопала себя по груди, чувствуя невероятную благодарность судьбе за то, что в момент падения повозки она рефлекторно схватила узел с одеждой всех четырех человек и сверток со всем их общим состоянием, а затем вихрем вылетела наружу. Иначе эта девчонка юная госпожа наверняка снова вцепилась бы в ее колени и горько рыдала над своими погибшими серебряными банкнотами.

— Что это такое? Неужели миазмы? — Ан Цзин нахмурила свои красивые брови.

Глядя на розовый дым, который сейчас, подобно свирепым зверям, со всех сторон бурно надвигался на них, укрыться от него было уже поздно, и в сердцах каждого мгновенно поднялась тревога. Не похоже, но на всякий случай... Му Линь быстро достала из-за пазухи маленькую шкатулочку и открыла её. Внутри лежало с десяток чёрных круглых пилюль. Достав три штуки, она раздала их Ань Лэ и остальным двоим, а четвертую тут же проглотила сама и произнесла:

— Лучше всё-таки принять эту пилюлю! Она даёт защиту от любых ядов на целую палочку благовоний!

Му Линь была настоящим гением в деле создания ядов при подчинении Ань Лэ, и яды, которые Ань Лэ носила с собой, в основном изготавливались её руками.

Ань Лэ и Яр Эр знали Му Линь как облупленную, а потому безоговорочно доверяли её способностям. Не раздумывая ни секунды, они выхватили пилюли и тут же проглотили их.

Ань Цзин крепко сжала пилюлю в кулаке и с долей сомнения посмотрела на Ань Лэ, однако текущая ситуация не позволяла ей долго размышлять. Закусив губу, Ань Цзин в конце концов тоже отправила чёрную пилюлю в рот.

Едва все трое быстро приняли лекарство, как розовый туман плотно окутал их со всех сторон. То ли пилюли от ста ядов и впрямь подействовали, но никакого недомогания девушки не ощущали.

Сильно переживая, что в невидимой пелене могут скрываться враги, Му Линь в нервном напряжении схватила Ань Лэ за запястье и выпалила:

— Молодая госпожа, пожалуйста, держитесь ближе к подчиненной! Если возникнет опасность, я зубами загрызу любого, но защищу вас!

При этих словах оказавшуюся сбоку фигуру резко притянули ближе. Взгляд Ань Цзин легко скользнул по руке Ань Лэ, которую сжала Му Линь, и в её прекрасных глазах промелькнула неясная эмоция. Изысканная фигура Ань Цзин тут же заслонила собой Ань Лэ, и она незаметно перехватила руку Ань Лэ, возвращая её себе, после чего холодоватым тоном произнесла:

— Пожалуй, лучше предоставьте это мне. Я смотрю, барышня Яэр тоже крайне нуждается в уходе. Как насчет того, чтобы разделить обязанности: ты присматриваешь за барышней Яэр, а я позабочусь о своей младшей сестрице? Идёт?

Му Линь чутко уловила нотки отказа и вытеснения, хотя эта враждебность исходила не от её госпожи, а от старшей сестры той. Испытав одновременно и недоумение, и раздражение, она возразила:

— Вторая барышня, хотя мои боевые искусства и уступают вашим, защищать молодую госпожу — мой прямой долг! Сестрица Яэр обладает проворными навыками и вовсе не требует излишнего вмешательства, а вот молодая госпожа как раз сильнее всех нуждается в защите!

Яэр тащила на шее огромный узел, да вдобавок обе её руки были увешаны двумя тюками. На самом деле она полностью разделяла слова Ань Цзин: она-то как раз очень нуждалась в помощи! Обвешанная со всех сторон баулами, она ужасно устала! На беду, Му Линь, как и её госпожа, отличалась упрямством: столкнувшись с опасностью, она могла заботиться о двоих людях сразу, но ни за что не бросила бы ни единого, а если удавалось уберечь лишь кого-то одного, то этим кем-то неизменно оказывалась Ань Лэ.

Обладая прекрасным здравым смыслом, Яэр в этот момент отчётливо почувствовала между двумя женщинами негласное противостояние и решила не лезть в этот спор.

Ань Цзин не собиралась вести пустые споры, да и Му Линь не была мастером разбрасываться колкостями, так что обе предпочли умолкнуть. Однако стоявшая посередине Ань Лэ отчетливо чувствовала, как у неё по коже одна за другой бегут мурашки, словно в наступившей от их взглядов тишине что-то исступленно трещало и пламенело.

Безнадежно вздохнув, Ань Лэ хлопнула себя рукой по лбу: что вообще происходит? Она ведь вовсе не какая-то всеобщая любимица и уж точно не настолько беспомощна, чтобы две женщины дрались за право её защищать!

Ань Лэ посмотрела на Му Линь, затем на родную сестру и только было собралась примирить их обеих, как вдруг в затылке вспыхнула резкая боль. До ушей донеслись испуганные вскрики Яэр и остальных женщин, а затем она окончательно потеряла сознание.

Ань Лэ очнулась, прислонившись к обломанному сухому стволу дерева — да-да, именно к тому самому, что стоял здесь сейчас. Вокруг не было ни души, и это место ничуть не напоминало ту поляну, где взбесились их лошади. Придя в себя, Ань Лэ перебрала в голове множество возможных причин, как она вообще здесь очутилась.

Из-за денег? Да все деньги отобрала девчонка Яэр под предлогом, будто боится, что Ань Лэ бросит их и сбежит тайком. Если бы кто-то позарился на богатство, грабить следовало бы обвешанную узлами Яэр!

Решили лишить жизни? Но они уже так далеко от столицы! Среди тех, кому она успела насолить, кроме случайных прохожих с улицы Чуньхуа да сынков нескольких придворных сановников, кажется, не было никого другого? К тому же, разве это она первой полезла в драку? На неё напали, так неужели ей не положено дать сдачи? Более того, насолить парочке чиновников было даже полезно — это разом отбило бы у её отца любые мечты устроить её в будущем на чиновничью службу. Стоит ли вообще жалеть об этом? Что за удовольствие работать в окружении закостенелых стариков? Пропасть в поколениях просто чудовищная! Что? Вы хотите сказать, что это мог быть тот самый левый помощник цзоши? Из-за того, что она опорочила доброе имя его дочурки? Какое ещё доброе имя! Да она в глаза не видала его девицу! Стоит человеку заработать дурную славу, как на него тут же начинают вешать всех собак!

Бедная Ань Лэ голодала так сильно, что живот прилип к спине. С трудом подавив искушение достать припасенные в поясном кошельке яды и съесть их вместо еды, она с трудом приподнялась на локтях, собираясь отправиться на поиски пропитания.

— А-у-у-у! — раздался очередной волчий вой.

Невозможно было понять, откуда именно доносился голос зверя, но Ань Лэ отчетливо чувствовала, что он звучит до одури близко к тому направлению, куда она собиралась идти. В ужасе она кубарем откатилась назад, под самую сухую корягу, и послушно уселась на прежнее место. Голод... Какую же жуткую муку мне приходится терпеть! Даже в сказках о призраках, заманивающих путников в ловушку, такого не придумаешь! — Ан Лэ чувствовала, что рано или поздно просто умрёт с голоду. Желая перед смертью хотя бы остаться в целости и сохранности, она с тяжелым сердцем вскарабкалась на дерево и, пользуясь отличным чувством равновесия, растянулась на какой-то ветке в самых невероятных позах.

Сколько прошло времени — неизвестно.

Полуприкрыв глаза, она вдруг заметила, как над её головой покачивается какая-то белая тень, а в упор на неё уставилась пара злобных зелёных глаз.

Зрачки Ан Лэ резко расширились. Желая убедиться, что ей не мерещится, она изо всех сил поморгала.

В холодном лунном свете, падающем на странное создание, Ан Лэ смутно разглядела длинные

руки и ноги, которые непрерывно раскачивались в разные стороны, а затем белая тень рухнула вниз.

Вот чёрт! Что это за хрень?!

— ! — Ан Лэ от ужаса широко разинула рот, но страх сковал её так, что она не могла произвести ни звука.

Неважно, был этот тип демоном из легенд или нет, но судя по закону всемирного тяготения товарища Ньютона, если эта тварь сверху прыгнет вниз, то смягчить её падение придется исключительно собственной спиной!

Белая тень приближалась всё ближе и ближе, Ан Лэ уже почти слышала рассекаемый ею воздух.

Бедная Ан Лэ лежала на ветке — удрать уже не успеть, а кубарем катиться вниз тем более невозможно. Ведь сейчас она находилась на высоте двух чжанов! Если сорвёшься, лепёшкой ведь лечь придётся!

Что за поганый демон! Смеет исподтишка нападать на меня?!

У Ан Лэ даже не осталось времени на крик — она сорвалась с ветки, на которой только что лежала пластом, и с грохотом рухнула на землю. Пронзительная боль мгновенно пронзила каждый сустав!

Из глаз брызнули слезы. Судорожно схватившись за поясницу, она едва заставила себя подняться и заскрежетала зубами от жгучей ненависти: — Ах ты ж... чтоб тебя разорвало...

Первым делом она, с трудом выпрямившись, изо всех сил и со злобой повернула голову на поиски главного виновника.

— Зи-зи... зи-и... — как назло, прыгнувшим с дерева существом оказалась белоснежная обезьяна. Сейчас она поворачивалась к Ан Лэ задом и крутила хвостом, вид у неё был донельзя самодовольный.

До чего же наглая морда!

Это так разозлило Ан Лэ, что она мгновенно забыла о боли во всем теле. Вскочив на ноги, она с размаху пнула белую обезьяну прямо под зад!

— И-и... — визг мартышки резко оборвался. Глядя на то, как та улепётывает, выставив задницу, Ан Лэ невольно почувствовала, как отголоски боли отозвались в её собственной еще не

зажившей пятой точке.

Поняв, что перед ней живое существо, а не нечисть, Ан Лэ преисполнилась злобы и решила во что бы то ни стало поквитаться с обидчиком за едва не отнятую жизнь.

— Ах ты, подлый гад! Ах ты смеёшься надо мной! Да ты... да как ты посмел! — разъяренная Ан Лэ разразилась бранью. Одной рукой она с трудом поддерживала поясницу: догнать наглую тварь не получалось, а не преследовать её было слишком обидно. Впопыхах она позабыла и про лесных хищников, и про то, зачем вообще забралась на дерево, и теперь хромала по округе, выискивая пропавшую белую обезьяну.

Светлячки... Мириады светлячков кружили повсюду в воздухе...

Неземной красоты пение звучало так, будто само его присутствие способно заменить любые музыкальные инструменты мира и тронуть человеческие сердца до глубины души.

Окутанная в лиловые шелка изящная женщина легко танцевала при луне. Чистая, словно небожительница, сошедшая с небес, она излучала такую недоступную для простых смертных благодать, но при этом каждое её движение, каждый взгляд из-под полуопущенных ресниц были полны невероятного, соблазнительного очарования.

Случайное вторжение...

Этот мимолетный взгляд лишил Ан Лэ способности отвести глаза — казалось, даже дышать стало тяжело.

Какая красота... Как на свете может существовать женщина настолько невероятной внешности? Разве такая красота вообще бывает настоящей?

Вокруг царила абсолютная тишина, и в глазах Ан Лэ, казалось, не осталось ничего, кроме этой танцующей и улыбающейся самой себе девушки в лиловых одеждах.

Сама того не осознавая, она шаг за шагом приближалась.

Неожиданное появление постороннего выглядело столь неуместно, что красавица, разумеется, сразу заметила её.

— Ты кто такая? — женщина резко замерла, и выражение её лица стало далеко не самым приветливым.

— Я... я... — заикаясь, выдавила Ан Лэ.

И тут её словно озарило.

Набравшись храбрости, она выпалила: — Девушка, а вы... человечину едите?

Незнакомка явно растерялась от столь странного вопроса и нерешительно покачала головой.

Услышав это, Ан Лэ испытала невероятное облегчение.

Как здорово! Наконец-то можно спокойно отключиться!

Стоило ослабнуть натянутой до предела струне, как Ан Лэ тут же обмякла, закатила глаза и с чистой совестью рухнула на землю.

Красавица? Или уродина?

Она почувствовала, как по лицу то и дело пробегает ветерок — прохладный, но в то же время слегка согревающий.

Ан Лэ медленно пришла в себя. В голове еще толком не прояснилось, и она ошарашенно уставилась на две огромные пухлые губы, которые неумолимо приближались прямо к её лицу...

Эти объёмистые губы сложились в чрезвычайно соблазнительный бантик и нагло заполнили собой всё поле зрения Ан Лэ...

Ан Лэ остолбенела на секунду...

Ан Лэ остолбенела на две секунды...

А затем её зрачки резко расширились!

Опомнившись, Ан Лэ от испуга покрылась мурашками с ног до головы. Не раздумывая ни секунды, она с диким воплем отвесила хозяину губ сокрушительную пощёчину: — Спасите! Что за поганный демон! А ну брысь отсюда! Надумал меня, благородного господина, помогать? Рано тебе еще на восемь сотен лет!

— ПЛАСЬ!!

— И-и-и...!! — вместе со звуком звонкой пощёчины раздался знакомый визг. Тяжёлую белую мартышку от свирепого удара Ан Лэ отбросило назад — брызнув слюной, та с позором покатила по земле.

— Зи-зи... — перевернувшись, белая обезьяна поднялась на ноги, прижала лапку к ушибленной щеке и жалобно посмотрела на Ан Лэ, а в её синих глазах блеснули слёзы.

Впрочем, на сочувствие рассчитывать не стоило: Ан Лэ мгновенно узнала в ней того самого лесного вредителя, из-за которого она едва не рассталась с жизнью!

Ах ты, какая встреча! Палец, которым Ан Лэ тыкала в обезьяну, дрожал от гнева.

Но сейчас главным было перевести дыхание.

— Ха... фу... — схватившись за грудь, Ан Лэ всё ещё не могла прийти в себя. Немного успокоившись, она огляделась и обнаружила, что находится в просторной и безупречно чистой комнате. Судя по всему, хозяева этого дома были людьми зажиточными. Сама она лежала на той самой постели, укрытая мягким одеялом, а та самая обезьяна сидела прямо рядом с ней.

Стоило вспомнить недавнюю сцену, как ярость вновь закипела в груди Ан Лэ. Видимо, из-за падения с дерева её тело ныло от боли, и даже простое движение рукой отзывалось гримасой. Указывая на белую мартышку, она задохнулась от гнева: — Ты... да, я говорю о тебе, паршивая обезьяна! Чего ты удумала, пока этот благородный господин спал?! Что ты собиралась со мной сделать?!

Обезьяна от этих слов сжалась в комок и принялась отчаянно махать лапами, мотая головой.

— И ещё смеешь отрицать! Ты ведь только что делала именно это! Твои огромные ярко-красные губы прямо-таки прилипли ко мне, я что, по-твоему, слепая?! — Ан Лэ подпрыгивала от злобы, обиженно прижимая руки к груди. Вид у неё был оскорбленный до глубины души — мало того что её едва не лишили первого поцелуя, так ещё и какая-то макака позарилась на её честь! Красота — это истинное наказание!

— Эй ты! Хватит перекладывать больную голову на здоровую!

В этот момент дверь распахнулась от мощного пинка, и в комнату решительным шагом вошла рассерженная девчушка лет пятнадцати-шестнадцати. На её лице читалась неприкрытая злость: — Мы ещё из коридора слышали, как ты нашего Беяка лупишь! Жить надоело?!

Ан Лэ услышала этот голос и резко повернула голову.

В руках девушка сжимала два кухонных тесака, с которых капала кровь и летели перья, от одного вида которых кровь стыла в жилах. Судя по свирепому выражению лица девчушки, она была готова без колебаний пустить это оружие в ход против самой Ан Лэ.

По спине Ан Лэ тут же покатился холодный пот.

— Это... да она сама полезла ко мне целоваться! — страх перед тесаками был велик, но Ан Лэ решила не сдаваться перед лицом зла.

— Моя барышня велела смазать твои раны мастью, а наш Беляк дул на них, чтобы тебе не было больно! А ты, неблагодарная скотина, распустила руки! — яростно выпалила девчонка.

Ан Лэ на секунду замерла. Прислушавшись к собственным ощущениям, она осторожно коснулась лица и обнаружила, что на щеке и впрямь саднит небольшая ранка — судя по всему, она содрала кожу, когда рухнула на землю после падения.

Ой... кажется, она действительно всё не так поняла? Лицо Ан Лэ залилось краской неловкости.

Тут же вспомнилось, с каким звуком она залепила пощёчину бедняге — если бы такой удар пришёлся по её собственной физиономии, челюсть точно съехала бы набок...

Но разве Ан Лэ могла так просто признать поражение? Женщины из клана генерала никогда не сдаются!

Пытаясь хоть немного заглушить угрызения совести, она с виноватым, но наглым видом заявила: — Это вообще не главное! Из-за неё я свалилась с огромной высоты и едва не отдала Богу душу!

Иначе откуда по-твоему у меня столько синяков и ран? — фыркнула Ан Лэ, выпятив грудь и вызывающе уставившись на девчонку.

Та слегка нахмурила брови и перевела взгляд на обезьяну, явно ожидая объяснений.

Белая мартышка с абсолютно невинным видом посмотрела на Ан Лэ, а затем подпрыгнула к девчонке и затараторила, активно жестикулируя лапами.

С каждым мгновением лицо девушки становилось всё темнее, а Ан Лэ с нарастающей тревогой наблюдала за этим представлением.

Наконец обезьяна закончила свою жалобную тираду, и девчушка резко развернулась, сверкнув на Ан Лэ злыми глазами.

Ан Лэ мысленно выругалась: эта паршивая мартышка явно только что настучала на неё! Почему-то от этого лезвия в руках девчонки заблестели еще более зловеще...

— Наш Беляк говорит, что на той ветке, где ты рассекала, си ядовитая змея. Она прыгнула на тебя сверху, чтобы спасти от укуса! Теперь-то до тебя дошло? — с вызовом процедила девчушка, беря на себя роль переводчика.

Уголки ртов Ан Лэ нервно дернулись: — Ну надо же... Великий герой, премного благодарен, эта ничтожная жизнь спасена лишь благодаря вам...

Не успела она договорить, как её лицо снова вытянулось.

— Из-за неё я сорвалась с такой высоты, что чуть не отбросила концы — разве это лучше укуса змеи?! Да эта бестолковая обезьяна потом ещё и крутила мне задом! Чистой воды провокация, разве так спасают людей?! — возмущенно завопила Ан Лэ, призывая всех к справедливости.

<http://bllate.org/book/21755/2249614>